

Невероятно, но очевидно — 4 февраля исполняется шестьдесят лет народному артисту России Игорю Кваше. Невероятно, потому что в мгновение ока пролетели несколько десятилетий от дерзостного дебюта и рождения «Современника» до нынешнего несомненного положения Квашы в числе мэтров отечественной сцены. Очевидно же только для тех, кто сверяет время по театральным календарям. Для остальных сей факт его биографии будет, наверное, сюрпризом — форму свою Кваша держит на зависть не только любому артисту, но и спортсмену в самом соку.

ОБЫКНОВЕННЫЙ КВАШИЗМ

В августе 1975-го на людной балюстраде напротив столовой писательского Дома творчества в Коктебеле знойным вечером были взяты с полочки два подозрительных субъекта. При помощи портативной радиостанции прямо с черноморской набережной открытым текстом, но закодированным в цифры, они пытались вызвать неведомого адресата, по очереди повторяя: «00-23, я на связи, 00-23, я на связи».

Дерзкая попытка была пресечена твердым давлением плеч — сразу с двух сторон — обнаруживших себя радиооператоров, и они были препровождены сотрудами киевского и московского управлений КГБ в местное отделение милиции.

Там, уже в присутствии срочно вызванного командира погранотряда, им было предъявлено обвинение по подозрению в противоправной деятельности. По мнению капитана киевского управления, именно таким способом академик Сахаров передавал за рубеж все свои обращения к мировой общественности. При штиле и отсутствии радиопомех, сказал он, сигнал спокойно может достичь Турции. В качестве меры пресечения до выяснения всех обстоятельств командир погранотряда предложил заключить злоумышленников под стражу, однако под ответственность начальника Планерского отделения милиции они дали подписку о невыезде, а радиостанция — в просторечии именуемая «Воки-токи» — была завернута в газету «Советский Крым» и заперта в милицейский сейф.

Наутро, в сопровождении начальника отделения милиции и злоумышленников, на автомобиле «Жигули» желтого цвета, в номере которого странным образом повторялись цифры 00-23, радиостанция была доставлена в специальное феоодосийское ведомство, и там после экспертизы вынесли авторитетное заключение — послать при помощи этого прибора текст в Турцию невозможно. А вслед за тем коктебельский шериф Александр Васильевич Чермошанцев взял на себя неслыханный грех и вернул радиостанцию, предупредив подозреваемых, что те, мол, показали ему справку о том, что радиостанция используется для координации киносъемок.

Дальше замести следы было делом техники. В условленном месте «Воки-токи» были переданы их владельцу, бывшему радиоинженеру театра «Современник», с кем и пытались установить связь подозреваемые, дабы получить обратно «Жигули» за номером 00-23, на которых радиоинженер колесил по Коктебелю в надежде снять комнату. Больше всего все трое опасались вопроса: «А где вторые «Воки-токи?», но он ни на одном уровне проверки задан не был, и два замечательных электронных прибора воссоединились к всеобщему восторгу, ибо друг без друга они существовать не могли и теряли всякий смысл.

Замечательными были не только приборы, но и время, и море, и нравы. Коктебель кишел диссидентами. Наиболее одиозными тогда считались отказники Слепак и Евгений Рубин. В крохотных палисадниках хозяек, у которых они снимали угол, были разбиты палатки, где жили совсем уж дикие туристы. Одним из них был киевский капитан, который на любом клочке пляжа, где собиралась интересная компания, отбрасывал тень даже в пасмурную погоду. Впрочем, погода стояла великопечная. Но это все побочный сюжет.

Одним из злоумышленников был Игорь Владимирович Кваша, другим — автор этих строк. Мы знакомы и дружим три с лишним десятка лет, иногда подолгу не видимся и не перезваниваемся, но почему-то, когда на-

чинаешь вспоминать разные события, мистическим образом возникает имя Квашы. Помню, 21 августа 1968 года я решил в том же Крыму навестить его под Симеизом. Ехал с восточного берега на южный, отчего не работало радио, а когда приехал, вместо приветствия он мне сообщил новость — с соответствующими случаю комментариями — о советских танках в Праге. А потом уже в Москве подписал письмо протеста, которое ему долго аукалось. Так же, как особые отношения с Солженицыным, Некрасовым и многими, многими еще. В другой август — 17 числа, но уже 1991 года, он помогал мне собираться в дорогу, у меня вдруг отказал аккумулятор, он уговаривал плюнуть на него и выпить пива, я все же на ночь глядя рванул на Карельский перешеек — каждый отпускной день дорог, чтобы рано утром в понедельник услышать новую аббревиатуру — ГКЧП. А Кваша был уже на баррикадах у Белого дома.

Десять лет назад за несколько дней до его пятидесятилетия я заехал к нему домой, он еще не вернулся после спектакля, и мы ждали его с его женой, другом моего детства, самым святым и чистым человеком из всех, кого я знаю, он пришел не один, а с художником Борисом Биргером и писателем Фазилем Искандером. Мы полночи сидели на кухне, и благодаря мне Кваша смог пропустить рюмочку, дабы снять напряжение после тяжелейшего спектакля. Благодаря мне — потому что Кваша, Биргер и Искандер собрались, чтобы обсудить идею совместной работы, а жена Биргера должна была вот-вот родить, и Кваша обещал — три минуты езды — немедленно доставить, в случае чего, художника домой, а затем роженицу в роддом. Обязанности неотложной помощи взял на себя я — мне все равно надо было ехать. Так мы и сидели, и Борис страшно волновался, а Фазиль, наоборот, был весь в себе, потом раздался звонок, мы пронеслись по ночной Москве на Садовое кольцо в маленький дворик, бережно усадили тяжело ступающую Наталью в машину, доехали до Лялиного переулка, постояли с Биргером у старинного особняка, потом я уехал, с уговором утром обязательно созвониться, чтобы узнать, чем все кончилось.

Утром Биргер сказал мне, что буквально через десять минут после того, как я отъехал, его жена родила дочь. Но не это самое интересное, а то, что в эту же ночь жена Искандера родила сына.

Я понял в тот миг, почему Фазиль был так замкнут накануне: он молил богов, чтобы все кончилось благополучно.

И тут превосходный момент для меня лично прервать, может быть, уже покоровившую читателя тему «Я и Кваша», ибо Сандрику Искандеру в аккурат десять лет, как и Маше Биргер. А о мистике и Кваше с большим правом, чем я, могут сказать уважаемые и счастливые отцы не только прелестных детей, но и современной живописи и литературы.

Я же десять лет спустя снова приехал в этот дом по неординарному случаю. Накануне под честное благородное слово жена Квашы дала мне несколько любимых ею фотографий своего мужа, чтобы они украсили ту страницу, что сейчас перед вами, любезные читатели. Но фотографии перед вами совсем не те, что были вручены мне из рук в руки. Те пролежали не в гипотетическом, а в самом натуральном редакционном портфеле всего пару часов и были вместе с портфелем экспропрированы путем взламывания замков за те две минуты, что я оставил его в машине, не предполагая, что потерявший ветеран студенческих времен может кого-то соблазнить.

Я представляю разочарование похитителей, наткнувшихся на копии трехлетней документации несладкой судьбы «Экрана и сцены», как и понимаю, что вряд ли среди них существуют подписчики нашего еженедельника, но мистика есть мистика: фотографии Квашы, что

оказались у них в руках, просто так в их теперь уже судьбе не проскочат.

Меня же Квашы простили, предоставив другие фотографии. У них была новая забота. Сын с невесткой ушли в театр, отдав на попечение бабушки и дедушки внуку Настю и собаку Феню. Внучка не желала засыпать, а собака без движения лежала в прихожей. Ее живот распирало до невероятия и, кажется, он слегка шевелился. Точно родит, сказала Татьяна Кваша, врач-анестезиолог, но это даже хорошо, что у нас, ведь у ребят сегодня отключили воду. Когда я уехал, Феня еще не родила. И портфель пока что — на 13 часов дня 3 февраля — не нашелся.

«Обыкновенный квашизм», что в заголовке, — каламбур из шестидесятых. Как бы семейно-домашне-дружески-театрально обозначение того, что может произойти с Квашой и вокруг него. Многое и происходило. Он как вулкан, отечественная Фудзияма, на которую когда-то совершал восхождение в одном из своих спектаклей. Извержение этого вулкана неотвратимо, потому что таковы законы природы. И человек, даже если он Кваша, над ними не властен.

А как человек он примечателен тем, что дает массу поводов подтрунивать над ним, пародировать его манеру спорить, судить обо всем с позиций исчерпывающего знания, принадлежащего лично ему, ну, может быть, еще Эйнштейну, Бескову или Корбюзье — в зависимости от темы спора. Он дает любой повод, кроме одного — неискренности суждений.

Его и артистом поначалу сделало не мастерство. Какая-то невероятная искренность была во всем, что создавал он на сцене, будь то солдат-мальчишка из «Вечно живых» или старик — Первый министр из «Голого короля». Но пойдите разберитесь в этих актерских приспособлениях, из которых складывается мастерство!

Многие из нас ходили в «Современник» чаще, чем на лекции. Он был в гораздо большей степени нашей альма-матер, нежели храм на Моховой или где еще.

Сейчас много чуши пишется о тех годах, а особенно о «шестидесятниках». В основном представителями других поколений. И особенно о некоторых иллюзиях, которые несли в себе и окружающим двадцати-тридцатилетние той поры.

Любой, кто знает Квашу, скажет, что у него никогда не было иллюзий. И он никогда не молчал. Более того, говорил, да еще как. Да еще с кем! Нат, подавитесь. В конце концов, и подавитесь. Но медаль за оборону Белого дома ему не дали. Кажется, забыли. Как пришел он на баррикады, так и ушел с них. Незаласканный и незапятнанный.

Шестьдесят лет — возраст труднопредставимый для тех, кто не достиг его. Когда-то эти нахальные современники как бы выступили против мхатовских «стариков». Так получилось внешне и всегда так получается, когда происходит смена театральных течений. «Старики» тогда были моложе их нынешних — не все, но многие. Пришла пора и Кваше перейти в разряд «стариков». Давайте, молодые, у вас прекрасная пора: отвергайте, переплывайте, играйте лучше. Потом в ножки поклонитесь «старикам» за то, что дали вам жизненные соки и жизненный стимул.

Перпетум мобиле.

Ал. АВДЕЕНКО.

Шарж Владимира Медведева.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Простите нас за возможные ошибки на 2, 15 и 16 страницах — не укладываемся в график подписания полос. Сегодня даже досадная опечатка обходится нам дешевле, чем штраф за опоздание.

Главный редактор А. А. АВДЕЕНКО